

Мария Шадура

Станская школа, 13 лет

Яблонька

Есть яблонька в моем саду
С названием очень редким.
Её плоды, созрев совсем,
К земле склоняют ветки
Её цветы, словно салют,
Всегда в начале мая.
Назвали так её зачем,
Теперь я понимаю.
Над нею журавли летят,
Меня не замечая.
Счастливый, яркий
Майский день
Как-будто отмечая.
Два деда было у меня,
И оба воевали.
Один танкист, другой моряк
Свободу нашу защищали.
Пройдя все трудности войны,
Весну они встречали
В последнем доблестном году
В Берлине и в Варшаве.
Горел танкист не один раз.
Моряк спасал корабль.
По главной площади страны
Прошли они в медалях.
Горжусь дедами, я сейчас
Читаю их стихи, смотрю картины.
Благодарю за светлый час,
Который для меня добыли.
Я вместе с яблонькой своей
Поклон им шлю душевный.
Ты, мам, не плачь!
Я не забуду их!
Пусть будет мир на всей земле
И счастье в этот день весенний!

Надежда Шикута

Калашниковская школа, 6 класс

Ленинградский этюд

Ленинград. Зима 41 года.

Ненасытная злоба врага

Кольцом окружила заснеженный город.

Блокада. Война...

Здесь бал проводили

Голод и Смерть.

Стонала земля...

Жутко смотреть в глаза старика,

А ему отроду пять лет.

Мальчишка кричит, сжав кулаки,

Пилоту-фашисту, что в небе летит:

«Ты голоден очень? Голоден, да?

Спустись-ка на землю, в наш город сюда,

Я дам тебе хлеба, он вкусней шоколада!

Наешься — и прочь с земли Ленинграда!»

Слёзы текут по впалым щекам,

Нет больше сил...

Кто-то коснулся руки:

«Внучок, не плачь!

За всё ответит палач!»

Сугробы. Мороз. Тишина.

Двое бредут,

Веря, что миром закончится

Эта война,

И они доживут...

Виктория

Материнская доля

Поседела до срока безутешная мать.
Сыновья все далёко, и нет смысла их ждать.
Муж с тяжёлою раной прибыл с фронта домой,
Занедужил и рано отошёл в мир иной.
Сын один под Варшавой, чуть поближе другой.
Захоронен со славой он под курской дугой.
Да морская пучина скрыла третьего сына...
(Там, в Балтийских волнах её младшего прах.)
А все вместе три сына лишь на фото настенном.
Как давно это было, в светлом дне довоенном!
Роковые снаряды унесли сыновей.
Боевые награды вместо них рядом с ней.
Ночью дождь бьёт по кровле, и опять не до сна.
Материнскую долю кто измерит сполна?

Анатолий Абрамов

Солдаты

Не первый год идёт война,
Не первый год окопы роем.
Дом вспоминаем иногда
В часы затишья перед боем.

Враг рвётся яростно к Москве,
Бросая в бой большие силы,
Чтоб не осталось на Земле
Ни городов, ни сёл России.

Сильней сжимает автомат
Рука советского солдата,
И добровольцы в строй встают,
Ещё безусые ребята.

Крик матерей и плачь детей
Смешались с грохотом орудий.
Не жалко жизни мне моей,
Спасти бы мир от палачей!

В жестокой схватке славя Русь,
Бойцы геройски погибали.
В гранит вписали имена,
Чтоб мы о них не забывали.

Ирина Осмачко

*Посвящается моему отцу А.Г. Осмачко,
участнику, инвалиду Великой Отечественной войны*

Послевоенные ночи

Здравствуй, попутчица – ночка бессонная,
Крепко войной ты со мной обручённая,
Поездом мчится уж память – пророчица,
Что непременно ей вспомнить захочется?

Кровью облита земля воспалённая,
В страхе за близких душа повреждённая,
Юность в фуфайке, огнём опалённая,
Выжить «назло» хочет – непобеждённая.

Гаснет тень ночи, но памятью сонною
Правит война, пусть давно побеждённая,
Мстит за себя – уходить ей не хочется...
Вот так попутчица – злая пророчица!

Раны свинцовые, болью разлитые,
Днём на работе чуть-чуть позабытые,
Ночью, как водится, снова разноются,
Не успокоятся, словно удвоятся.

Вот включена уже лампа настольная,
Вточь, как у Ленина, светло-зелёная,
Музыка тихая, томик Волошина...
Чем бы отвлечься, но память взъерошена.

Время не лечит, с законом не водится,
Не отпускает, как в русской пословице.
Лишь на рассвете с боями отброшена
Боль и бессонница томом Волошина.

Виталий Фурсов

Всем выжившим и погибшим подо Ржевом посвящается...

А подо Ржевом шли бои!

Войны листаем жёлтые страницы.
И боль, и гордость нам несут они.
В отдельный том собрали по крупице,
Как подо Ржевом шли бои!
Шли долго, трудно, тяжело.
Шли от заката до зари.
Бойцы сражались здесь отважно,
Ведь подо Ржевом шли бои!
Плечом к плечу стояли насмерть.
За Родину, за семьи за свои!
Вгрызаясь в землю, рухнув наземь,
За Ржев, где шли тогда бои!
Вот в поле неподвижный танк КаВэ
Уж третий день ведёт бои,
Под ним бойцы, подобные броне,
Бьют фрицев у «двухсотой» высоты.
Танк укрывал бойцов ну сколько мог.
Как призрак бился он с фашистской силой.
Жизнь одного танкиста он сберёг,
Для четверых – стал братскою могилой.
Те люди были крепче стали,
Их командир слепой и без руки.
И нужно, чтобы люди знали –
Как подо Ржевом шли бои!
Три четверти от века уж прошло.
И заросли воронки, дзоты, блиндажи.
Но никуда из памяти и сердца не ушло,
Что подо Ржевом... шли... бои...

Людмила Кузнецова

Солдату грозных сороковых

Туда, где был кромешный ад,
Снаряды звучно грохотали,
Ушёл из Микшина солдат,
В тревоге был он и печали.
В боях он сразу повзрослел
И шёл, как все, в огонь и воду,
Он своей жизни не жалел
За честь страны, её свободу.
Письмо он маме написал:
«Ты не волнуйся, дорогая,
Я путь солдатский прошагал,
Врагов отчизны проклиная.
Меня Россия позовёт
Идти в огонь за Русь святую –
С друзьями я пойду вперёд,
Чтоб защитить страну родную!»
Письмо у матери в руках...
Как много значат эти строки!
И слёзы горькие в глазах
Вдруг появились ненароком.
А через месяц ей вручат
Письмо со скорбью, похоронку...
Ушёл из Микшина солдат
Для мира, не для славы громкой.

Сергей Лупандин

«Партизанская баллада»

I

Ты знаешь, падал мокрый лист.
Холодный ветер. Солнце. Тучи.
Внук с дедушкой смотрели вниз -
Грибы искали. Лес дремучий.
Сорвёшь бывало белый гриб,
Что скрылся среди иголок рыжих,
К нему кленовый лист прилип.
И солнца луч затылок лижет.
Волнятся дряхлые вихры
Родной земли под сенью леса.
Туманно – золотой поры
Витают запахи из детства:

II

Сырая сосенок кора,
Что держит смоляные слёзы;
Земля, которую нога
Прижала около берёзы.
Здесь каждый шорох страшноват:
Будь то голодный рядом ёжик,
Что пробежал среди опят,
Будь птица, что взлететь не может.
И пьянится туманом лес
В вечерней розовой прохладе.
Сквозь белый пар из веток крест,
Сквозь белый пар кукушка сядет.

III

«Макар! Макар, - и белый пар.
Зовёт внучонка дед Арсений. -
Пора домой.» - и указал
На север через сосны, ели.
Внучок смиренно подошёл.
Корзинка мокрая с грибами.
«Уверен, дед, что хорошо
Подумал ты?»
«Дай-ка присядем...»
Поляна видится. Стволы
Деревьев медленно качает.
По носу запах бьёт смолы -
Смола на руки прилипает.

IV

На ствол упавший меж осин
Присели отдохнуть немного.
Из трубки деда льётся дым.

Нога заброшена на ногу.
Тулуп овчинный, крупный нос
И борода почти седая.
Ко рту он трубочку поднёс
И улыбнулся, вспоминая.
Тулуп пропах бензином и
Опилки водятся в карманах.
На плечи волосы легли,
На лбу немного видно шрамы.

IV

На ствол упавший меж осин
Присели отдохнуть немного.
Из трубки деда льётся дым.
Нога заброшена на ногу.
Тулуп овчинный, крупный нос
И борода почти седая.
Ко рту он трубочку поднёс
И улыбнулся, вспоминая.
Тулуп пропах бензином и
Опилки водятся в карманах.
На плечи волосы легли,
На лбу немного видно шрамы.

V

На бороде берёзы лист.
Стряхнул прокуренной рукою.
Осколок неба грубый чист,
Висит над прелой головою.
Морщины дедушки дрожат -
Он что-то, верно, мигом вспомнил.
Задумался. Рукав прижат
К груди, где дом дрожит историй.
«Пойдём, внучок. Пора идти. -
Он спрятал трубку. – Поведу.»
«Домой бы...дед, не подведи.»
Кукушка: - ...ку! Ку-ку! Ку-ку...

VI

...Ку-ку! Ку-у! – «Ау, Аууу!»
«Ты где была? Опять без спроса!?
Ищу тебя и не найду.
Ну что? Ответь, Сашок курносый.»
«Я только тут, ну дядя Паш!»
«Пойдём обратно быстро к маме!»
«А может...»
«Хватит! Шагом марш!
Ужель нужна тебе охрана?..»
Землянка. Лампы. Провода.
«Ушла опять...»
«Лишь за грибами!»

«Нас ищут! Уж взрослеть пора.
Мы на войне! Мы – партизаны.»

VI

«Людмила Пална, Вы нужны.»
«Сиди, Сашок! - сказала доче. -
А что случилось?»

«Привезли
С деревни мальчика. Там срочно!»
Бежал с родимых пепелищ
Тот мальчик с раненой рукою.
Был худ и бледен, слаб и нищ -
Обезображенный войною.
Родителей фашисты в ночь
Убили медленно свинцами,
А он смотрел, не мог помочь,
В крапиве прятался с кустами.

VII

Он видел, как раздели мать
Пустили пули в белые ноги.
Успел последний взгляд поймать:
«Не бойся, милый!» - посреде крови.
Отец был мёртв уже тогда,
Лежал, смотрел в дымное небо.
Глаза убитых за тебя
И для тебя, кто бы ты не был!
В леса бежал, рука в крови -
Попал при беге немец меткий.
Бежал от смерти, от любви,
Что хоронил огонь, дым едкий.

VIII

«Огонь бурлит средь криков, слёз.
«Беги, мой милый!» - в жаре этом.
Последний взгляд. Букет из роз,
Что подарил он маме летом.»
«Смотри, проснулся наш герой.»
«Да ну? Смелчак. И слава Богу.»
«Поспи ещё. Глаза закрой.»
«Сашок, ты жди. Я на дорогу.»
...«Уже проснулся? Долго спал...»
«Ты кто?» - ответил тихо мальчик.
«Я Саша. Что? Это подвал.
А это? Это передатчик.»

IX

А за окном, где пыль висит,
Проходят люди в гимнастёрках.
«Микола где?» - «Мобуть он спит.»
«Вот чёрт!»
Летает перепёлка.

«Кузьма Кузьмич, когда в поход?»
«Сегодня будь же на собраньи!»
«Эй, Галочка!» - «Отстань, Федот!»
«Вот девка – чисто наказанье...»
«Товарищ Бередня...»
«Отставить! На, снеси мальчонке.» -
Улыбка. – «Слушаюсь, меня...»
«Потом, потом.» - ушёл в потёмки.

XI

Вошёл казак. Принёс им мёд.
«Ну, как ты? Бедный... за чего же?»
«Зачем пришли Вы, дядь Федот?» -
«Я по тебе скучал, ей Боже.»
Шутя, казак достал гармонь.
И грусть казачье пела в волю
Про дом, про Дон, где чёрный конь
Среди тумана мчится в поле.
В конце тянул под нос себе,
Потом красиво пред уходом -
«Когда мы были на войне».
«Ну я пойду.» - «Идите, с Богом.»

XII

Поправившись, среди партизан
Он стал трудиться. Сжился с ними.
Среди них был тайком прозван
«Снежком» за волосы белые.
«Сашок, спасибо, что меня
В болезни ты не оставляла.»
«Сочтёмся, мелкий. В деревнях
Сказали, что еды там мало.
Давай, - затейница она. -
У фрицев украдём еды мы,
И раздадим всё до темна.»
«А может просто словим рыбы?»

XIII

Я обещал везде с тобой
Ходить, не допускать историй.»
«Ведь это наш с тобою бой.
Поверь, оно того уж стоит.»
«Прибьёт нас дядя Паша, факт.»
«Трусиска, брось. Идёшь со мною?»
«Иду...но чур не виноват.»
«Да-да. Ура! Готовы к бою!»
Под вечер в тёмный мгlistый час
Они ушли тайком в деревни.
«Напишут, может быть, о нас.»
«Ползи, писатель!»
Шум растений.

XIV

А ночь! Седые облака
Скрывают свет луны латунный.
Сашок и мальчик, и река.
И тишина. И запах прудный.
С повозок выкрали и хлеб,
И зелень всякую, и мясо.
Затем в окно у старых реп
Старушке положили. Ясно,
Что долго там нельзя им быть.
Вернулись к лесу через поле.
«Вот это да!»
«Ведь стоит жить,
Чтоб люди жили.»
«Смерть и голод...»

XV

Пробрались в лес. – «Куда идти?»
«Иди за мной. Вести я стану.»
«Ты не собьёшься ли с пути?»
«Ты что, ведь мы же партизаны...»
Сашок в юбчонке в синий цвет,
Такая милая, смешная.
Ей было там тринадцать лет,
А мальчик младше (я не знаю).
Об ветку мальчик головой
Ударился дорогой – падал.
«Ну что ты? Вылечим травой...
Не больно?» - Саша, вроде, рада.

XVI

Вернулись рано. Их пароль
При входе в лагерь попросили.
«Пустите, мы.»
«А голос свой.» -
В ответ тогда им говорили.
И стало это тайной их.
Их раскусили в пару дней.
Ругали. Пыл их после стих.
«Эх вы, сородичи теней...»
Играли в лагере. Шёл бой.
Так одиноко. Все при деле.
Режим их жизни – боевой.
Ряды со временем редели.

XVII

Погиб казак, что песни пел,
Погибли люди при подрыве.
Та жизнь решений сложных, мер
Заставила прийти к той мере -
Оставить лагерь. Взрывом мост

С составом вражеским пред этим
Решили уничтожить. Тост
Был сказал ими на рассвете:
«За жизнь, за небо, милый мир,
За то, чтоб были не напрасны
Рожденья лесовых могил.
За Родину. Ну, будем, братцы!»

XVIII

Разобран госпиталь. Следы
Их долгого здесь пребывания
Надёжно скрыты, сметены.
Последнее их ждёт задание.
«А, дядя Паш? Возьми с собой!»
«Отстаньте, ну! Уйдите, дети!» -
Командовал он группой той,
Что уходила на рассвете.
«Пойдём, Сашок.»
«Постой, постой.
Хочу увидеть я, как поезд
Волной накроет голубой...»
«Тебя оставить – взвоят совесть.»

XIX

«...Мы бьёмся все за этот мир,
За жизнь детей, что этим лесом
Пойдут спокойно! И могил
Не видно будет за завесой
Иголок, шишек и цветов.
Никто не будет знать о бое,
В который я пойти готов,
Чтоб жило небо голубое!
Лежит казак, что Дон родил,
Лежит и парень с Запорожья,
А рядом – что Рязань любил,
И тот, что рядом – с Подмосковья.

XX

В земле лежат они, где лес,
Где нам подать рукой до Курска.
Они сыны не этих мест,
Но каждый – сын землицы русской!» -
В палатке голос говорил,
Ребята слушали до дрожи.
Так близок и далёк им мир.
Не каждый до мира ведь дожил.
Покапал дождь. Последней ночь
Была средь этих мест знакомых.
Летели грустно мысли прочь
Из глаз голодных, чистых, сонных.

XXI

Сквозь утреннюю леса мглу
Торчали ветки вдоль дороги.
На перепутье там в строю
Стоят солдаты с видом строгим.
А рядом мальчик и Сашок.
«Поверь, увидимся, мой мелкий!»
«Скучать я буду, мой дружок.»
«Война. Увидимся за стрелкой...
Давай дадим мы клятву здесь,
Что в день победы нашей славной
Мы у реки наш вспомним лес,
И вспомним партизан заставы.

XXII

Там будет тихо, яблонь цвет;
И пахнуть, может, будет летом.
Не знаю, сколько будет лет,
Но будем старше. Песня спета...»
«Сашок, пора. Наш взвод идёт.» -
Они на тропке той обнялись.
За тенью леса скрылся взвод.
И больше так и не видались.
Сашок и мама – на Азов,
А мальчика берут солдаты,
Что будут бить своих врагов
На Украине. Поле, хаты...

XXIII

При переходе через холм
Сашка убили с автомата,
А мальчик не был в бое том,
Его вели в поход солдаты.
«Сашок, с тобою не сочлись,
Но знай, что буду помнить вечно
Тебя я...» - слёзы полились
В Победы день у старой речки.
И пьянился туманом лес.
Солдаты ехали в селенья.
И все они из русских мест.
А мальчик с ними – мальчик Сеня...

XXIV

...Ты знаешь, падал мокрый лист.
Холодный ветер. Солнце. Тучи.
Вечор был алый, свеж и чист.
Покинут ими лес дремучий.
«Ну как, живой ещё, внучок?»
«...без компаса со сторонами?..»
В закате сок рябин потёк.
«Ведь мы с тобою партизаны.»
По полю мокрому они

Ушли в туманные деревни,
Чьи крыши посреде простыни
Земли родимой и деревьев.
Конец

Цаплина Кира Александровна

«Я войны совсем не видала».

Я войны совсем не видала,
Но много слышала о ней.
Страдала Родина любимая,
Теряя лучших сыновей.
Страна родная и великая,
Теперь спокойной будь во всем.
Мы подрастаем и сумеем
От недругов прикрыть свой дом.
Живи, страна!
С рассветом просыпайся,
Твори и создай,
Учи и направляй.
Твои сыны и дочери навеки
Верны тебе,
Как это было встарь.
Нельзя нам жить без цели и без веры,
За нас отдали жизнь ровесники 40-х
Во имя мира, счастья и свободы,
Во имя будущего, Родина, живи.

Екатерина Иванова

*Устинья Михайловне Лумбовой, матери погибших в боях
Великой Отечественной войны сыновей – Петра, Николая, Дмитрия,
уроженцев деревни Кагрушки Лихославльского района*

Устинья

Перед сном Устинья помолилась Богу
За приближение победы и за сыновей.
Даже ночью не унять не унять тревогу –
Как они среди войны, смертей...
Июньским утром проводила
На фронт сынов своих родных,
Крестом всех трижды осенила,
Ох, дождаться бы живых...
Но вот уж и январь сорок второго,
Холодно не только людям – деревьям.
Молитвы шепчет Устинья снова, снова,
Не зная, как ещё помочь сынам...
И снится ей среди зимы, морозов
Летний жаркий сенокос.
Она спешит к той луговине тоже,
Где косят травы её сыны среди берёз.
За лесом солнце, шурясь, светит,
В лугах белёсый заплутал туман.
Первым на покосе самый старший – Петя,
Плечистый, сильный, любит всё он делать сам.
Николай – второй, он средний, высокий и курчавый,
Серьёзный, не что Митя – младший, третий, озорной.
А солнышко всё выше, выше, величаво
Властвует над миром, над страной и над войной.
И вдруг на луговине двое –
Николай ушёл в туман,
Уходит дальше, дальше, мать с мольбою
Шепчет: не отдам...
Проснулася Устинья: что же это было?
Знак беды и знак судьбы?
Молила и не отмолила?
В каких снегах моя кровинушка лежит...
Про сон тот никому не рассказала,
Пришла поутру в Николая дом,
Дочек трёх его к себе прижала,
А ну-ка, в моём кармане что-то вкусное найдём.
Колола на кусочки сахар белоснежный,
Сыночка младшего из люльки на руки брала,
Сон-то, может быть, не вещей,
Но почему-то плакала душа...
Писем не было, а похоронку в мае

Принёс жене печальный почтальон.
С января солдатушки в полях лежали,
Весна разрушила снегов полон.
С тех пор Устинья снов боялась.
Но летом вновь приснился сенокос.
Та луговинка скошена, осталось малость,
Да Петя потерялся средь берёз.
А Митя всё косил, рубаха мокрая от пота,
Картуз отброшен. Коси, коси, живи, сынок!
Пускай война вернёт мне хоть кого-то!
Моя душа уж как листок,
Осенний лист, что под дождём и ветром
Готов вот-вот сорваться вниз...
Похоронки стали осенью ответом.
Казалось, кончилась теперь уж жизнь.
Бывало, Петя веников берёзовых навяжет,
А Николай – осенних рыжиков лукошко принесёт,
И не просила – огород уж кто-то пашет,
Митя земляничку из картуза высыпит на стол...
Может быть, и умерла б от горя,
Если бы не внуки – дети сыновей.
Бабушка Устинья, с судьбой уже не споря,
Сыновним вдовам помогла растить детей.
И обнимала тех, кто жив с войны вернулся,
И утирала слёзы, когда настал победный день.
Уснув однажды, не смогла проснуться,
Шагнув через покос к сынам в берёзовую тень...

Аширова Эльвина

Частичка памяти

Хранятся дома старые конверты,
От слёз размытые слова,
Как хроника документальной ленты
Истории семьи моей глава.
Мой прадед с фронта пишет строки,
Испачканные кровью на листах.
Он пишет дочке, своей крохе,
Карандашом в израненных руках.
Плывёт одна строка, за ней вторая,
Не слушаются руки у него.
Но сердце бьётся, ритм не изменяя,
Он знает - дома ждут его.
Все письма очень бережно хранятся,
Неся потомкам память о войне.
В них боль и слёзы строками ложатся.
Да, не легка была победа по весне.
Они пропахли порохом и кровью,
И слёзы капали у прадеда из глаз,
Когда жене писал с такой любовью
И в мыслях с дочкой он играл не раз.
Играл с дочуркой он после победы,
Стараясь позабыть о той войне,
Но раны в сердце помнили все беды,
Что враг нанёс нашей большой стране.
Почти сто лет мой прадед прожил,
Правнуков и внуков повидал,
И часто плакал, что он до победы дожил,
А друг его салюта не видал.
И каждый год на День Победы
Я фото прадеда в руках своих несу.
Шагает он со мной в полку бессмертном,
В строю, где место есть теперь ему.